

Раздел 6. Функции суда в уголовном судопроизводстве (функции суда в досудебном производстве по уголовным делам)

Насонов С. А., доцент кафедры уголовно-процессуального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
к. ю. н., доцент

Сходство и различие в подходах к решению проблем судебного следствия в суде присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РФ

Одним из аспектов сходства современной модели производства в суде с участием присяжных заседателей и модели по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) является тождественность проблем судебной практики. Несмотря на существенное различие в законодательном регулировании производства в суде присяжных, эволюцию системы принципов уголовного судопроизводства, в современном российском суде присяжных возникают практически те же проблемные ситуации, что и в конце XIX столетия.

Их анализ представляет определенный научный и практический интерес, поскольку, несмотря на сходство существа этих проблем, способы их решения тогда и сейчас имеют определенные различия и не всегда современное решение является более эффективным.

Среди проблемных ситуаций наибольшую актуальность представляют проблемы судебного следствия как центрального этапа судебного разбирательства, во многом предопределяющего вердикт коллегии присяжных. Круг этих проблем является типовым как для производства по УУС, так и в современном суде присяжных.

Так, довольно острая в настоящее время проблема исследования с участием присяжных заседателей данных о личности подсудимого, была характерна и для практики присяжного судопроизводства Российской империи, однако решалась она не путем запрета исследования таких сведений с участием присяжных заседателей, а, наоборот, путем законодательного разрешения такого исследования, с рядом ограничений.

На первоначальном этапе, в практике российского суда присяжных по УУС 1864 г. данные о личности подсудимого исследовались с участием присяжных заседателей довольно широко. В решении Сената от 1870 г. отмечалось: «Сведения, характеризующие личность подсудимого, не могут быть признаны безусловно излишними. Сведения такого рода не могут не иметь значения в определении как оправдательных, так и обвинительных доказательств, без этих

сведений дела, в которых нет прямых доказательств, были бы неясны для судей и присяжных, и, наконец, только на их основании присяжные могут решить, заслуживает ли подсудимый снисхождения»²⁷⁸.

Однако дальнейшая судебная практика совместила необходимость исследования таких сведений с принципом состязательности, несколько ослабив силу предубеждения в отношении подсудимого, возникающего при этом у присяжных. Так, в соответствии с сенатским толкованием статьи 687 Устава, на судебном следствии по требованию прокурора оглашались справки о прежней судимости подсудимого или справки об обвинении его в иных преступлениях (решение по делу Богданова)²⁷⁹. Однако устанавливалось обязательное и немедленное обращение председательствующего к присяжным, в котором он должен был разъяснить значение этих фактов для дела. Кроме того, подсудимый и его защитник имели право представлять свои объяснения по оглашенным справкам о судимости. Своим решением по делу Горшкова и Ларионова Сенат предоставил подсудимому право оглашать в судебном заседании документы, свидетельствующие, что под судом он до этого не находился²⁸⁰.

Серьезным источником данных о личности подсудимого являлись протоколы «дознания через окольных людей», которое, по словам Д. Г. Тальберга, являлось «осколком повального обыска»²⁸¹. В соответствии с Главой VIII Книги II УУС такое дознание производилось по желанию следователя или обвиняемого, если тот будет доказывать свою хорошую репутацию ссылками на местных жителей²⁸². Следователем составлялся список «домохозяев и старших в семействе лиц», живших в одном околотке с обвиняемым, стороны отводили неугодных им лиц, а из оставшихся выбирали 12 человек, которых под присягой допрашивали «о занятиях, связях, образе жизни подсудимого, о его репутации вообще, безотносительно к совершенному преступлению»²⁸³. Решением Сената по делам Рыбаковской и Кулагина протоколы дознания через окольных людей

278 Чебышев-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. – СПб.: Воен. тип., 1875. С. 449.

279 Щегловитов С. Г. Судебные Уставы императора Александра Второго с законодательными мотивами и разъяснениями: Устав уголовного судопроизводства. – СПб., 1887. С. 314.

280 Щегловитов С. Г. Указ. соч. С. 314.

281 Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Т. 2. – Киев, 1891. С. 187

282 Устав уголовного судопроизводства. С алфавитным указателем, составленным присяжными поверенными М. В. Беренштамом и В. Н. Новиковым. – СПб., 1908. С. 101–102.

283 Тальберг Д. Г. Указ. соч. С. 189

Раздел 6. Функции суда в уголовном судопроизводстве **(функции суда в досудебном производстве по уголовным делам)**

разрешалось оглашать в судебном заседании по требованию сторон или когда судьи или присяжные потребуют этого, но председатель был обязан предостеречь присяжных «от излишнего увлечения и переоценки изучения сведений о прошлой жизни подсудимого»²⁸⁴.

В этом аспекте современная практика российского суда присяжных отличается от рассмотренной, поскольку ч. 8 ст. 335 УПК РФ запрещает исследование данных о личности подсудимого перед присяжными, кроме тех сведений, которые необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. Верховный Суд РФ допускает возможность исследования с участием присяжных заседателей даже сведений о предыдущей судимости подсудимого, если эти данные позволяют установить отдельные признаки состава преступления, вменяемого подсудимому²⁸⁵.

По делу С. в кассационном определении подчеркивалось: «Судебная коллегия считает, что, учитывая конкретные обстоятельства данного уголовного дела, председательствующий обоснованно разрешил стороне обвинения исследовать в присутствии присяжных заседателей факт прежней судимости Ч. и обстоятельства, связанные с отысканием наркотических средств в его кладовой комнате. Эти обстоятельства напрямую связаны с мотивом убийства потерпевшей С. Мотив убийства – фактические обстоятельства, которые находятся на разрешении в компетенции присяжных заседателей, о чем указано в ч. 1 ст. 334 УПК РФ»²⁸⁶.

Вместе с тем, исследование сведений о личности подсудимого, за рамками указанного исключения, например, для решения присяжными вопроса о снисхождении, законом запрещено, что нередко приводит к несанкционированному доведению до присяжных этой информации сторонами и частые случаи отмены приговоров в связи с этим²⁸⁷.

Крайне острая в настоящее время проблема исследования данных о личности свидетелей и потерпевших в суде присяжных решалась в дореволюционной модели судебного следствия категорическим запретом такого исследования, закрепленным в УУС и последовательно реализуемым в судебной практике.

Согласно статье 722 УУС свидетель, допрашиваемый в судебном заседании, был не обязан отвечать на вопросы, уличающие его самого, в каком бы то ни было преступлении. Однако в судебной практике

²⁸⁴ Щегловитов С. Г. Указ. соч. С. 320.

²⁸⁵ Апелляционное определение СК УД ВС РФ от 09.07.2013 г. № 32-АПУ13-7сп//СПС КонсультантПлюс.

²⁸⁶ Кассационное определение СК УД ВС РФ от 11.05.2005 г. № 93-о05-5сп//СПС КонсультантПлюс.

²⁸⁷ Определение ВС РФ от 25.06.2009 г. № 1-033/08 //СПС КонсультантПлюс.

эта норма подверглась расширительному толкованию. В решении по делу Прасолова Сенат отметил, что «...нет закона, который бы предоставлял сторонам опорочивать на суде свидетелей распросами о личных их качествах и событиях минувшей их жизни, под предлогом оценки достоверности предоставляемых ими показаний; уличение свидетелей в неблагоприятных действиях недопустимо...»²⁸⁸.

Решением по делу Рассудина (1874 г.) Сенат истолковал статьи 721 и 722 УУС как лишающие стороны права задавать свидетелям вопросы об их личных качествах и событиях прежней жизни с целью подорвать значение их показаний, т.е. исключил возможность «вопросов о репутации»²⁸⁹. По другому делу Сенат отметил, что «свидетелю дано право не отвечать на вопросы о его прежней судимости... внутренние переживания свидетеля, его намерения и побуждения не подлежат выяснению путем его допроса»²⁹⁰.

В современной судебной практике производства в суде присяжных РФ до недавнего времени господствовал тождественный подход к решению этой проблемы.

Несмотря на то что часть 8 ст. 335 УПК РФ не содержит специальной нормы, регламентирующей исследование в первой части судебного следствия (с участием присяжных заседателей) данных о личности свидетелей и потерпевших, в современной судебной практике эти положения толкуются таким образом, что исследование подобных сведений с участием присяжных заседателей запрещается.

Так, отменяя оправдательный приговор по делу А., Верховный Суд РФ указал: «В нарушение закона в ходе допроса свидетеля Аскольской стороной защиты выяснялись данные о личности свидетеля Меркушевой. Но, несмотря на это председательствующий, как видно из протокола судебного заседания, замечание стороне защиты не сделал»²⁹¹.

Обоснованием такой позиции Верховного Суда РФ чаще всего служит указание на то, что исследование указанных сведений противоречит положениям части 7 комментируемой статьи, поскольку присяжные заседатели не уполномочены устанавливать своим вердиктом указанные обстоятельства²⁹².

288 Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под общей ред. проф. М.Н. Гернета. Изд-е М.М. Зива. Вып. IV. – М., 1915. С. 1194.

289 Щегловитов С. Г. Указ. соч. С. 144.

290 Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / Под общей ред. проф. М.Н. Гернета. С. 1194.

291 Бюллетень ВС РФ. 2005. № 8. С. 23, 26–28.

292 Кассационное определение СК УД ВС РФ от 23.03.2011 № 25-О11-4сп//СПС КонсультантПлюс.

Раздел 6. Функции суда в уголовном судопроизводстве (функции суда в досудебном производстве по уголовным делам)

Кроме того, Верховный Суд РФ аргументирует своей подход опасностью нарушения ч.1 ст. 252 УПК РФ в случае исследования негативных данных о личности потерпевших и свидетелей²⁹³.

Между тем, в постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Пичугин против Российской Федерации» 23 октября 2012 г. содержится иной подход к допустимости исследования данных о личности свидетелей и потерпевших с участием присяжных заседателей.

Европейский Суд пришел к выводу, что запрет исследования данных о личности потерпевшего с участием присяжных заседателей повлек ситуацию, в которой «...права Заявителя на защиту были ограничены в объеме, несовместимом с предоставляемыми ст. 6 §§ 1 и 3 (d) Конвенции гарантиями»²⁹⁴, что нарушило его право на справедливое судебное разбирательство.

Очевидно, что российская правоприменительная практика в вопросе о возможности исследования данных о личности свидетеля и потерпевшего в присутствии присяжных заседателей должна быть скорректирована с учетом указанной позиции Европейского Суда по правам человека.

Интересная практика в рассматриваемой модели производства в суде присяжных сформировалась по вопросу толкования ст. 630 УУС. Устав уголовного судопроизводства в ст. 630 предоставил сторонам право в ходе судебного следствия обращаться к присяжным как с разъяснением представленного доказательства, так и с возражениями и объяснениями по поводу доказательства, представленного противоположной стороной. Оценивая это положение УУС, И. Я. Фойницкий отметил, что «уже во время судебного следствия между сторонами происходят прения...»²⁹⁵. Однако между этими «прениями» и заключительными прениями сторон как отдельным этапом судебного разбирательства судебная практика установила достаточно четкие границы. Во время судебного следствия стороны могли делать указанные замечания и объяснения только «по поводу определенного доказательства или действия, происходящего в данное время на суде», без всякого сопоставления разных доказательств или действий между

²⁹³ Кассационное определение СК УД ВС РФ от 10 августа 2005 г. № 67-о05-50сп//СПС КонсультантПлюс.

²⁹⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Пичугин против Российской Федерации» 23.10.2012 г. (жалоба № 38623/03), п. 212//СПС КонсультантПлюс.

²⁹⁵ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – СПб.: Наука, 1996. Т. 2. С. 445.

собой и без оценки доказательств. Впоследствии Сенат своим толкованием этой статьи по делу Хотева фактически запретил сторонам использовать это право, сославшись на то, что этим «смешиваются прения и следствие»²⁹⁶. К. К. Арсеньев справедливо критиковал это толкование, утверждая, что только немедленное указание присяжным на определенные обстоятельства дела позволит «сохранить свежесть и живость впечатления от этого при вынесении вердикта»²⁹⁷.

В современной практике производства в суде присяжных преждевременная оценка участниками судебного разбирательства доказательств, исследованных перед присяжными заседателями, также рассматривается как процессуальное нарушение, нередко приводящее к отмене приговора судом вышестоящей инстанции²⁹⁸.

Таким образом, современные подходы к решению проблем судебного следствия в суде присяжных во многом совпадают с подходами в модели этого производства по УУС.

Вместе с тем, изучение и использование удачного опыта модели по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. в решении отдельных проблемных ситуаций позволит оптимизировать современную практику производства в российском суде присяжных.

²⁹⁶ Арсеньев К.К. Судебное следствие. – СПб., 1871. С. 156.

²⁹⁷ Там же. С. 157.

²⁹⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. (№ 19-о04-6сп)// СПС КонсультантПлюс.